

З. НАУРЗБАЕВА

НОВА ПАРАДИГМА НАУКИ МИФОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ С.КОНДЫБАЯ

Мақалада С.Қондыбайдың түркі мифологиясы жайлы тың көзқарастары мен тұжырымдары талданып, зерттеушінің мифология ғылымына қосқан үлесі қарастырылады.

В статье рассматриваются новые взгляды С.Кондыбая на тюркскую мифологию и его вклад в развитие мифологической науки.

The article deals with the new opinions of S.Kondybay on Turkic mythology and his contribution to the development of mythological science.

Тему данной статьи, пожалуй, можно определить так: «Почему казахам не следует надеяться на скорое признание творчества Серикбола Кондыбая в России и на Западе?» Потому что на русском языке издано пока всего три книги Кондыбая – две оригинальные: «Казахская мифология. Краткий словарь» и «Эстетика ландшафтов Мангистау», и одна переводная – «Казахская степь и германские боги». Но даже если переводы трудов С.Кондыбая станут доступны научной общественности к западу от Казахстана, вряд ли следует ждать на них восторженные отзывы. Ответом на многие годы, скорее всего, будет бойкот, глухое молчание или высокомерная научная отповедь «дилетанту».

В философии науки есть такое понятие «научная парадигма». Широко известным оно стало в 70-х годах после нашумевшей книги Томаса Куна «Структура научных революций». Автор показал, что наука не движется постепенно и поступательно, что развитие происходит рывками, револю-

ционно. В обычное время в какой-либо научной дисциплине доминирует определенная система взглядов, концепций, методологий. Это и есть парадигма. Утверждения, выдвигаемые в рамках парадигмы, должны быть доказаны, аргументированы, чтобы научное сообщество, придерживающееся данной парадигмы, признало их научность (до этой процедуры доказательства и признания они называются гипотезами, тезисами, предположениями и пр.). Парадигма представляет практически автономную, по видимости, самодостаточную систему. Но эта самодостаточность является обманчивой. Теория систем гласит, что ни одна система не может быть полностью понята изнутри, т.к. она опирается на ряд положений, утверждений, которые выходят за рамки этой системы, этой парадигмы, часто даже за рамки научной дисциплины вообще. Эти положения называются «основаниями науки», «философскими основаниями науки». И эти положения – основания науки не доказываются и не оспариваются изнутри этой парадигмы. Они априори (заранее) считаются истинными. Они и не могут быть доказанными в рамках парадигмы, т.к. сама парадигма покоится на них.

Самый простой пример научной парадигмы и ее оснований – это всем нам известная из школьной программы геометрия. Если вы помните, в геометрии утверждения делятся на два вида: аксиомы и теоремы. Аксиомы (например, через две точки может быть проведена только одна прямая, или параллельные прямые не пересекаются) не требуют доказательств. А теоремы доказываются на основе аксиом и уже доказанных теорем. Эта геометрия как парадигма, названная в честь античного ученого – Евклидовой, просуществовала в неизменном виде тысячелетия. Но во второй половине XIX века практически одновременно три математика отошли от таких простых и, казалось бы, очевидных в своей истинности аксиом классической геометрии. Каждый из них по отдельности создал новую парадигму неевклидовой геометрии, в которой, например, параллельные прямые могут и пересекаться. Эта новая геометрия описывала природу космического пространства, а Евклидова геометрия была, как оказалось, ее частным случаем.

Как происходит отказ от одной парадигмы и переход к другой? Парадигма сильна до тех пор, пока она непротиворечиво объясняет абсолютное большинство имеющихся в распоряжении науки фактов. Со временем количество фактов (феноменов), не укладывающихся в рамки парадигмы, начинает накапливаться. Когда это количество достигает критической точки,

наука оказывается в кризисе. Способом решения этого кризиса и является попытка реформаторов науки выйти за пределы сложившейся системы, создать более широкую систему, опирающуюся на новые основания. Если прежняя парадигма была научной, то полного отказа от нее не происходит. Новая парадигма включает старую как свою часть, объясняющую какой-то фрагмент действительности. Например, во второй половине XIX века было распространено мнение, что развитие физики в целом завершено, осталось лишь уточнить некоторые детали. В XX веке, как известно, появились Эйнштейн, Бор, Планк и другие гениальные ученые. И сейчас, в начале XXI века никто уже не надеется, что пределы физической науки будут когда-нибудь достигнуты.

К сожалению, переход от одной парадигмы к другой, как горько пошутил Т.Кун, происходит не потому, что сторонников старой парадигмы удастся переубедить, а потому, что они со временем вымирают. На смену им приходит новое поколение, воспитанное в новой парадигме. Так происходит в естественных науках. Теперь представьте эту ситуацию смены парадигмы в гуманитарных науках, которые сплошь завязаны на идеологии, национальной и расовой идентичности и пр. субъективных факторах. Хотелось бы извиниться перед теми, кому излагаемое здесь представляется банальным. Но этот затянувшийся экскурс в философию и историю науки необходим, чтобы правильно понять, каково значение творчества С.Кондыбая и какова вероятная реакция на это творчество со стороны мировой (следует понимать, западной, европейской) научной общественности.

Дело в том, что С.Кондыбай предлагает новую парадигму мифологии, лингвистики и истории, что влечет за собой пересмотр во многом результатов и других гуманитарных наук. Методология, которую он при этом использует, не является совершенно новой. Сам ученый в качестве своего ближайшего предшественника, использующего мифологическую реконструкцию в исторических исследованиях, называет казахстанского историка Ю.Зуева.

Революционное значение творчества С.Кондыбая состоит в другом. Мы все, сформировавшиеся в лоне советской (российской, шире, европейской, западной) гуманитарной науки, не замечаем того, насколько эта наука, во всем разнообразии и богатстве дисциплин, концепций, методологий, детерминирована своей историей, своим происхождением. Основной корпус

этой науки был сформирован в XIX веке, когда европейский колониализм процветал, вера в научный прогресс, рациональное мышление и единственную – научную – истину была безгранична. Эта наука была сформирована как дискурс европейского колониализма, а востоковедение, как известно, представляло научный аппарат, обслуживающий интересы метрополий. Народы-колонизаторы выстроили концепцию мировой истории, «объясняющую» их восхождение, их «право и обязанность» распоряжаться мировыми ресурсами. Ощущение их единства, братства выразилось в создании парадигмы о индоевропейской языковой семье, некоей особой индоевропейской истории, мифологии, культуре.

Все это может показаться давней историей, арийская теория, вроде бы, была заклеена как фашизм. Но это далеко не так. Индоевропейская парадигма продолжает доминировать в науке и идеологии, продолжает влиять на решение политических и общественных проблем. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться, например, к исследованиям «певцов» иранской «воли к культуре», иранской «пассионарности духа», противопоставляемой тюркской «(биохимической) пассионарности плоти», братьев Шукуровых, занимающих ключевые посты в российском востоковедении, активно распространяющих свои идеи на Западе, а недавно с почетом принятых и в Казахстане в иранском культурном центре при НБ РК. Эти ученые весьма «сочувственно» пишут о том, что в начале XX века «... тюрки, выйдя из руслу чуждых им цивилизаций, сделали первый самостоятельный шаг в творении собственного мира... Но, Бог не говорил с тюрками, тюркам так и не выпало обрести свою собственную национальную религию. Для тюрков, выдвинувших претензию на самобытность своего духовного бытия лишь в XX в., – причем, в мире давно выверенной и свершившейся иерархии цивилизационных систем, в мире, который явился продуктом многотысячелетнего накопления духовного опыта дюжиной народов-творцов, – только этничность могла явиться средоточием и главным основанием их новейшей культурной самоидентификации».

Олжас Сулейменов не раз отмечал антиисторичность подобных воззрений, основывающихся на политической и культурной ситуации XIX-XX веков. Серикбол Кондыбай в своих трудах не просто критикует, указывает слабые места руководствующейся подобными взглядами науки, он указывает на необходимость системно, на уровне парадигмы противостоять раз-

ного рода арийским теориям, и сам делает решительный шаг к созданию этой новой парадигмы. Вполне возможно, что с развитием науки некоторые из конкретных мнений С.Кондыбая будут отвергнуты и уточнены. Суть не в этом. Главная задача нашей науки и образования – воспитать в новой парадигме следующее поколение исследователей, которые будут развивать ее на основе новейшей научной информации, доступа к научной литературе на разных мировых языках.